

Варта адзначыць наступныя мэты стварэння фальваркаў: падчас продажу ці перадачы ў арэнду маентка, планавае стварэнне інвентарных вопісаў (больш характэрна для дзяржаўных уладанняў), пры правядзенні валочнай памеры, пры памеры зямельных уладанняў (так званыя геаметрычныя інвентары), для фіксацыі размеркавання і карыстання зямлей у пэўным маентку. Таму пры аналізе інфармацыі, змешчанай у інвентару, неабходна ўлічваць прычыну яго стварэння таму, што, напрыклад, пры продажы маентку зразумела імкненне папярэдняга ўладальніка пры вопісу маемасці крыху перабольшыць яе памер, каб падняць кошт маентка. З-за гэтага інфармацыя, змешчаная ў інвентарным вопісе можа быць не зусім дакладнай.

Такім чынам, інвентары з'яўляюцца надзвычай каштоўнай крыніцай вывучэння эвалюцыі феадальнай гаспадаркі Беларусі XVI – першай паловы XVII стст. Яны даюць падрабязнае апісанне стану, формаў, метадаў землекарыстання таго часу, дазваляюць прасачыць дынаміку развіцця пэўнага маентка і, увогуле, сельскай гаспадаркі, дапамагаюць вызначыць ступень яе рэнтабельнасці.

Літаратура

1. *Копыцкий З. Ю.* Источниковедение аграрной истории Белоруссии. Мн., 1978. С. 5.
2. *Голубеў В. Ф.* Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI–XVIII стст. Мн., 1992. С. 14.
3. *Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII–XVIII вв.* Владение Тимковичи. Мн., 1982. С. 6.
4. Там же. С. 23.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕБЕНКА В КАТЕГОРИЯХ МУЖСКОЕ/ЖЕНСКОЕ

С. В. Ключкий

Данное сообщение представляет собой попытку осмыслить возможности применения категории «гендер» для изучения восприятия человеческих возрастов в эпохи, предшествовавшие современности. В качестве одного из рассматриваемых объектов взято восприятие детства сквозь призму половых и гендерных различий.

Воспринимался ли ребенок в эпоху поздней античности и в средние века в категориях мужского и женского? Ответ кажется вполне очевидным – да, ведь буквально во всех источниках, где упоминается или описывается ребенок, так или иначе указывается мальчик это или девочка. Но следует ли так безоговорочно принимать в качестве не требующей доказательства посылку, что мальчик есть указание на мужественность, а

девочка, в свою очередь, на женственность. «Мужественность» «мальчика», как и «женственность» «девочки» есть как правило результат проективных усилий воспитателей, взрослых, родителей. Мальчик – это будущий мужчина, и слово *будущий* является определяющим, ибо в нем (мальчике) закладывается, возвращается мужественность. Таков вариант светского воспитания, иначе обстоит дело с воспитанием монаха, где принадлежность к биологическому полу должна быть преодолена.

Существенной чертой средневекового христианского мировоззрения было нивелирование биологического (плотского) пола и противопоставление (или же сопоставление) возрастов-ступеней жизни: зрелого и незрелого (например, у Августина или же Филиппа Новарского), искушенного и невинного (у Иеронима, Иоанна Златоуста, Гвиберта Ножанского), еще немощного и слабого (дети) и уже слабого (старики) – в монашеских уставах [13; 14; 15; 16]. Соответственно, воспитание мужественности в ребенке-монахе не являлось принципиально важной установкой, скорее, даже наоборот [11]. В некоторой степени это подтверждается и поведением феодальной аристократии X–XI вв., предпочитавшей отдавать в монастыри детей с физическими недостатками, неспособных вести светский образ жизни (Ноткер Заика, Герман Паралистик). Автобиография Гвиберта Ножанского наглядно демонстрирует противоположность установок светского и монашеского воспитания [3, с. 37].

Столь же неоднозначным было восприятие и воспитание девочки. У отцов церкви (Иеронима и Златоуста) отроковица, девушка наделяются наиболее позитивными характеристиками и прямо противопоставляются женщинам праздным и светским (и не только женщинам, а также юношам и мужчинам). Плотский пол не является для указанных авторов причиной большей или меньшей предрасположенности к греху, праведность достигается посредством исключительно воспитывающих усилий родителей, наставников или же самой личности. Позднее Филиппом Новарским будет высказана мысль о наличии у девушек одного существенного преимущества по сравнению с юношами: «они легко могут сохранить свою честь, если желают прослыть хорошими... мужчине... необходимо, чтобы он был галантным и щедрым, храбрым и мудрым, а женщина, если она сохраняет целомудрие, все свои недостатки искупает... и потому не требуется девочке так много учиться, как мальчику...» [17, с. 147].

Но в целом дидактическая литература Высокого средневековья (Винсент из Бове, Филипп Новарский, Эгидий Римский) характеризует девочек (молодых женщин) как особ, «которые в молодости находятся в еще большей опасности, так как они не имеют столь большого разума, сколь мужчины...» [17, с. 146]. «В самом деле, почти все мужчины вообще

склонны к дурному, но гораздо больше склонны к нему женщины, поскольку им больше недостает умения пользоваться разумом» [18, с. 164]. Женщина (а значит, и девочка) признается «слабым» полом в силу меньших способностей пользоваться разумом, причем одним из доказательств последнего является в том числе и более быстрое развитие девочек – «поскольку девочки продвигаются в своем развитии быстрее, чем мужчины, они быстрее достигают возможного для них совершенства, что является знаком ограниченности их природной способности» [12, с. 202]. Если для воспитания юношей представляется необходимым выделение особых периодов, связанных с развитием детских способностей [18, с. 156–164], то в отношении девочек достаточными оказываются рекомендации общего характера, причем воспитание дочерей не признается принципиально отличным от советов относительно управления женщинами вообще и женами в частности [18, с. 164–165].

Недостатками у девочек признаются болтливость и бесцельные блуждания, из коих выводимы бесстыдство, нескромность, игривость, ветреность, склонность к ссорам [2, с. 132–133; 18, с. 164–169]. Наилучшим качеством, которое следует воспитать, схоласты признают робость и даже диковатость: «Ведь в женщинах и еще больше в девочках, не хватает разума, благодаря которому всякий сдерживается, чтобы не следовать не дозволенному... если девочек удерживают должным образом под присмотром и не позволяют бегать и слоняться, они не только становятся стыдливymi, но и проявляют некоторую диковатость – вещь наилучшую для сохранения целомудрия девочек» [18, с. 165].

Но, с другой стороны, в разрез с указанными советами признается необходимость обучения письму и чтению. Причем воспитание посредством литературных занятий осмысливается Эгидием Римским и Винсентом из Бове как способ нравственного наставления и один из видов труда для знатных девушек. Винсент ссылается при этом на Иеронима (письма к Евстохии и к Лете [5, 6]) и связывает воедино три занятия – чтение, молитву и труд (прядение, шитье). Чтение признается им занятием, помогающим избегать «вредных мыслей... телесных наслаждений и пустословия» [2, с. 134]. А Эгидий, опираясь на Аристотеля, признает за литературными занятиями единственный род труда для высокородной девушки (принцессы), дабы та «не росла праздною, но... охваченная любовью к литературе... чаще частого беря книгу, занимала себя чтением» [18, с. 167]. Также Винсент, как некогда Иероним, **женщине** суетной, «болтливой и ветреной» противопоставляет пример **девушки**, воспитанной и уединенной – «блаженнейшей Девы Марии» [2, с. 133].

Таким образом, вряд ли приходится утверждать о наличии строго бинарной модели «мужское/женское» в средневековом восприятии ребенка и о существенности ее применения к средневековому сознанию в целом. Средневековое сознание ориентировалось на состояния, возрасты жизни. Не принадлежность к мужскому/женскому определяют социальный пол, а этапы жизненного пути. Человеческая жизнь воспринимается поступательно, но эта поступательность прерывиста. Детство, взрослость, старость функционируют в сознании как вполне определенные социальные модели, которые мы бы рискнули назвать в данной ситуации «социальным полом». Следует отметить наличие другого рода бинарности: противопоставление целомудренности, девственности – «плотской» женственности/мужественности. Как мы пытались показать, бинарная модель «мужское/женское» есть результат развития схоластического рационализма.

Литература

1. *Августин Аврелий*. Исповедь: Пер. с лат. М., 1992. 332с.
2. *Винсент из Бове*. О научении детей благородных особ / Пер. Н.В. Ревякиной и Т.Б. Рябовой // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 2. М., 1994. С. 111–137.
3. *Гвиберт Ножанский*. Три книги своей жизни // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 2. М., 1994. С. 35–41.
4. *Иероним*. Письмо к Гавденцию о воспитании маленькой Пакатулы // Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М., 2002. С. 348–353.
5. *Иероним*. Письмо к Евстохии – о хранении девства // Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М., 2002. С. 137–175.
6. *Иероним*. Письмо к Лете // Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М., 2002. С. 303–315.
7. *Иероним*. Письмо к Рустику-монаху // Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М., 2002. С. 333–347.
8. *Иоанн Златоуст*. Беседа о вдовицах, о воспитании детей и о милостыне // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в 12 т. Т. 3. Кн.1. М., 1994. С. 330–348.
9. *Иоанн Златоуст*. Из девятой беседы на Первое послание к Тимофею // Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Собрание поучений. Кн.1. М., 1993. С. 351–354. Репр.: Собрание поучений, избранных из творений св. отца нашего Иоанна архиепископа Константинопольского, Златоустого. М., 1887.
10. *Иоанн Златоуст*. Из пятой беседы на Первое послание к Фессалоникийцам // Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Собрание поучений. Кн.1. М., 1993. С. 358–360. Репр.: Собрание поучений, избранных из творений св. отца нашего Иоанна архиепископа Константинопольского, Златоустого. М., 1887.

11. Пенитенциалий св. Куммина // Послушник и школяр, наставник и магистр: Средневековая педагогика в лицах и текстах / Пер. с лат. В.Г. Безрогова. М., 1996. С. 126–128.
12. *Дюбуа Пьер*. Об отвоевании Святой земли // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 2. М., 1994. С. 192–203.
13. Устав пр. Венедикта // Древние иноческие уставы собранные епископом Феофаном. М., 1892. С. 597–653.
14. Устав пр. Иоанна Кассиана // Древние иноческие уставы собранные епископом Феофаном. М., 1892. С. 513–584.
15. Устав пр. Пахомия // Древние иноческие уставы собранные епископом Феофаном. М., 1892. С. 10–210.
16. Устав св. Василия Великого // Древние иноческие уставы собранные епископом Феофаном. М., 1892. С. 244–510.
17. *Филипп Новарский*. Четыре возраста жизни / Пер. С.И. Лучицкой // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 2. М., 1994. С. 142–147.
18. *Эгидий Римский*. О правлении государей / Пер. Н.В. Ревякиной и Т.Б. Рябовой // Антология педагогической мысли христианского Средневековья. Т. 2. М., 1994. С. 149–170.

ТЭАРЭТЫЧНЫЯ АСНОВЫ РАННЯЙ АМЕРЫКАНСКАЙ ПАЛІТЫЧНАЙ ІДЭАЛОГІІ

П. Г. Космач

Ранняя амерыканская палітычная ідэалогія фармавалася пад уплывам некалькіх тэндэнцый: 1) уздым пратэстантызму ў калоніях, (т.зв. «Вялікае абуджэнне») – першы агульнаамерыканскі грамадскі рух [1, с. 87]; 2) асветніцтва і, адпаведна, дэізм [2, с. 48], які адлюстроўваў уплывы рацыяналізму ў кантэксте дасягненняў тагачаснай фізікі (класічная механіка Ньютана) і матэматыкі (распрацоўка дыферэнцыяльнага і інтэгральнага вылічэнняў).

Сацыяльна-палітычныя погляды як прадстаўнікоў Вялікага абуджэння, так і дэізму грунтаваліся на тым, што Сусвет заснаваны на законах, напісаных Вялікім Творцам. Такім чынам пасля адкрыцця законаў Ньютана ў фізічным свеце, засталася вызначыць заканамернасці, якія пануюць у грамадстве. Так, Д. Лок пры абмеркаванні «натуральнага стану» чалавека літаральна прыкладае да вырашэння гэтага пытання прынцып інерцыі Галілея – Ньютана. Амерыканскія асветнікі разумелі практыку Новага свету як галоўны крытэрыў любых сацыяльных тэорый [3, с. 186], таму паняцце аб т.зв. «відавочных ісцінах» трапіла ў «Дэкларацыю незалежнасці ЗША».

Творы, дзе ўтрымліваюцца тэматычныя звесткі падзяляюцца на дзве асноўныя катэгорыі: 1) працы аўтараў з паўночнаамерыканскіх калоній (Д. Уайз, Б. Франклін, Д. Мэйх'ю, Э. Вільямс); 2) кнігі еўрапейскіх